

Дом на Фонтанке. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Дом на Фонтанке. Даниил Александрович Гранин

Время от времени мне снился Вадим. Сон повторялся в течение многих лет, однообразный, явственный: я шел по Невскому и встречал Вадима. Он ахал: «Не может быть, неужели ты остался в живых?» Он недоверчиво радовался: «Значит, ты не погиб?» Слегка оправдываясь, я рассказывал про себя и почему-то стеснялся спросить его... После войны я долго еще не верил, что он погиб, во сне же все переворачивалось, он удивлялся, что я уцелел. Он оставался таким же тоненьким, бледным. Глаза смотрели чисто и твердо, он слегка заикался, чуть-чуть в начале фразы. О Кате мы избегали говорить. Катя вышла замуж в сорок седьмом. Выяснилось, что Вадим работал в институте, в таком институте, что я и не мог ничего знать о нем. Но теперь, поскольку я нашелся, мы снова будем вместе. Я любовался им, резким и прямодушным лицом его, я блаженствовал, молот какую-то восторженную чушь. Вадим подшучивал надо мной, все, что он говорил, было точно, неопровержимо, я, как всегда, чувствовал его превосходство, завидовал и корил себя за эту зависть. Где он был все эти годы, я не мог понять, я знал лишь, что если начну допытываться, то будет нехорошо, что-то случится. Мы шли по Невскому, я крепко держал его за руку. Проспект был нынешний, с метро, с подземными переходами, с незнакомой толпой. Когда-то мы обязательно встречали приятелей, наших сверстников, ребят из соседних школ, студентов, когда-то Невский был полон знакомых.

...Я просыпался и долго не мог понять, куда все подевалось. Где Вадим? Может быть, я не проснулся, а заснул? Сон был явственней, чем эта темная тишина, где спали моя жена, дочь, соседи, весь дом. Они смотрели сейчас свои сны, они были далеко и ничем не могли помочь. Пространство между тем мною, который только что шел по Невскому с Вадимом, и тем, кто лежал в кровати, было ничем не заполнено. Ничего не соединяло нас. Я пребывал где-то в промежутке и не хотел возвращаться к себе, седеющему, контуженному, в жизнь, источенную застарелыми чужими заботами. Разрыв был слишком велик.

Однажды я сказал Вене про свои сны. Он серьезно посмотрел мне в лицо:

– Ты знаешь, мне тоже... Мне иногда кажется, что он жив.

Больше мы не говорили об этом.

Из всей нашей компании после войны остались только мы с ним. Миша погиб, Борис умер в блокаду, Ира умерла от тифа, Люда умерла несколько лет назад, Инна уехала в Москву. Мы и не заметили, как остались с ним вдвоем.

Он пришел ко мне в воскресенье, часов в двенадцать. Просто шел мимо и зашел, без звонка, без причины. Обычно мы виделись в праздники, дни рождения. Мне не хотелось говорить, мы сели, сгоняли две партии в шахматы.

– Пойдем погуляем, – предложил он.

Падал редкий снег, небо, низкое, серое, висело, как сырое белье.

– Ладно, – сказал я без охоты, – я тебя провожу.

На улице мы поговорили с ним про Китай, про наши болезни, я довел его до остановки и вдруг сказал:

– Пойдем к Вадиму.

Он не удивился, только долго молчал, потом спросил:

– Зачем? Ты думаешь, Галине Осиповне это будет приятно?

Нет, я так не думал.

– А нам? Стоит ли?

– Как хочешь.

Подождал его трамвай. Веня отвернулся:

Дом на Фонтанке. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Чушь собачья. Теперь уже нельзя не поехать. Получается, что мы боимся.

Мы сели на другой номер, доехали до цирка и пошли по Фонтанке. Всю дорогу мы обсуждали гибель американских космонавтов.

Шагов за сто до парадной Вадима я остановился:

– А что мы скажем?

– Скажем, что давно собирались, да все думали – неудобно.

– А теперь стало удобно? Находчивый ты парень.

– Ну не пойдем, – терпеливо согласился Веня.

– Лучше скажем, что вот случайно были поблизости.

Так мне казалось легче, может быть потому, что это была неправда.

Обреченно мы переставляли ноги. Малодушие и страх томили нас. Сколько раз за эти годы мне случалось миновать этот серый гранитный дом. Я убыстрял шаг, отводил глаза, словно кто-то наблюдал за мной. Постепенно я привыкал. Почти машинально, лишь бы отделаться, я отмечал – вот дом Вадима. Все остальное спрессовалось в его имени, и чувства тоже спрессовались. В самом деле, почему мы не заходили к его матери, самые близкие друзья его? Впрочем, заходили. Я заходил, но я не хотел об этом рассказывать Вене. Он повернул бы обратно. Это было слишком тяжело.

Мы вошли в парадную. Тут на лавочке обычно сидела фрося. Сохранилась эмалированная дощечка «Звонок к дворнику». В блокаду фрося пошла работать дворником и так и осталась дворником. Она не менялась. Она всегда казалась нам одного возраста. Когда мы были школьниками, она уже была старой. Она нянчила Вадима, вела их дом. В январе сорок второго года я пришел сюда с банкой сгущенки и мороженым ломтем хлеба. Фрося сидела на этой лавочке, с противогазом. Я бросился целовать ее. Она заплакала и повела меня к Галине Осиповне. И после войны, когда я зашел, она сидела на этой лавочке, в черном ватнике, такая же прямая, в железных очках, седые волосы коротко острижены. А потом я перестал ходить по этой стороне Фонтанки, я делал крюк, чтобы не встречаться с фросей. Но и это, оказывается, было давно.

В просторной парадной сохранился камин, висело зеркало. Мы посмотрелись в него и поднялись на второй этаж. Я хотел позвонить, но Веня заспорил, показал на квартиру напротив. Я удивился: неужели он мог забыть? И он поразился тому, что я не помню. Мы топтались на площадке, пока не вспомнили, что у Вадима был балкон. Спустились вниз, оказалось, по обе стороны парадной имелось по балкону. Мы снова поднялись. Нам и в голову не приходило, что мы когда-либо можем забыть двери его квартиры. Нет, нет, его дверь была налево.

– Послушай, – сказал я. – Ведь я был здесь после войны.

– Ты был? Почему ж ты мне не сказал?

Он не успел меня остановить, я повернул ручку звонка.

Крашенная коричневым дверь была глухой, без надписей, почтовых ящиков, расписания звонков. И сам звонок, врезанный посередине, был не электрический, а ручной, таких почти не осталось.

Послышались шаги. Щелкнул замок, дверь открыл румяный парень лет двадцати. Он был слишком румяный, здоровый, в желтой клетчатой рубахе, в тапочках на босу ногу. Неужели ошибся я? Худо было то, что я стоял первый, а Веня за мной. Мне пришлось спросить:

– Простите, Пушкаревы здесь живут?

Сама по себе фраза прозвучала для меня дико. Я вдруг сообразил, что прошло двадцать, нет, уже больше двадцати лет. Целая жизнь прошла. Вся жизнь этого

Дом на Фонтанке. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru парня. Какие Пушкиревы, он скажет, что за Пушкиревы? И мы начнем объяснять, что они когда-то здесь жили, и станем выяснять...

– Вам кого, Нину Ивановну?

– Нину Ивановну? Какую Нину Ивановну? – я оглянулся на Веню.

– Нет, Галину Осиповну, – сказал он.

Парень странно посмотрел на нас.

– Заходите, – и подошел к двери направо, постучал. – Нина Ивановна, к вам пришли.

Большая передняя медленно проступала в памяти – налево кабинет отца Вадима, Ильи Ивановича, полутемный, окнами во двор, с низким кожаным диваном, на котором мы листали огромную Библию с рисунками Доре. Там стояли шведские шкафы с книгами – механика, сопромат, мосты. Налево – столовая... Оттуда вышла маленькая старушка с желто-седыми стриженными волосами, с папиросой в зубах. Она вопросительно смотрела на нас. И парень стоял тут, любопытно ожидая. Что-то удерживало нас спросить Галину Осиповну.

– Мы товарищи Вадима, – произнес Веня.

Она слегка отшатнулась, прищурилась.

– Веня, – нерешительно сказала она, взяла его за руку, и он просиял.

– А вы... – и она назвала меня так, как меня звали только в этом доме.

А мы не помнили ее. Вернее, я медленно начал вспоминать тетку Вадима, шумную, веселую, с высокими вьющимися волосами.

Кажется, вешалка в передней была та же. И я повесил свое пальто, как всегда, на крайний крючок.

Мы вошли в столовую. Она удивила сумрачностью и теснотой. В ней до сих пор держался дух блокадной зимы. Громоздилась старая мебель из других комнат, та, что не стопили и не проели. С закопченного потолка свешивался грязный шелковый абажур. На облупленных подоконниках выстроилась посуда из-под лекарств, банки, молочные бутылки. Стеклянная дверь вела в соседнюю комнату, узкую, длинную, с балконом, там жил Вадим. Потом я узнал буфет. Он стоял во всю стену, с колонками, пыльными сверху, украшенными медными колечками. Наверху, на буфете, блестела керосиновая лампа. В углу поднималась железная печка. Печку я не помнил. Кислые запахи бедной больной старости путали мою память.

Сели за стол, мы с Веней рядом, Нина Ивановна напротив, они о чем-то заговорили, я смотрел на керосиновую лампу, пытаюсь понять, зачем она. Давно я не видел керосиновых ламп, может быть, это была единственная керосиновая лампа во всем городе.

– Вы почти не изменились, – сказала мне Нина Ивановна. – Вы просто повзрослели, стали большим мужчиной, совсем большим.

В каменной пепельнице лежали свежие окурки. Больше ничего не было на столе. Непонятно, чем занималась Нина Ивановна до нашего прихода. Можно подумать, что она сидела тут, курила и ждала нас.

– Веня, у вас глаза посинели. А были голубые. Ярко-голубые. Ну и лоб стал больше. – Она засмеялась и торопливо раскурила новую толстую папиросу.

Я покосился на Веню. Он был лысый, глаза его выцвели, но я вспомнил, какие они были небесно-голубые и как он нравился девчонкам. Он был самым добрым из нас и самым доверчивым. Он свято верил всему, что говорили, печатали, учили. Даже неинтересно было разыгрывать его.

– Галина Осиповна умерла, тринадцать лет назад...

Дом на Фонтанке. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Тринадцать лет... Это была такая давность, я ощутил только смутную запоздалую жалость; еще бы немного, и мы бы никого уже не застали.

– ...Нет, она не болела. Просто жить не хотела. Когда умер Илья Иванович, все для нее сошлось на Вадиме. Она не могла представить, что он не вернется... Она ведь долго еще ждала, вы знаете, она все надеялась...

Странно, что из всех погибших ребят я не верил только в смерть Вадима. И Веня не мог согласиться с тем, что его нет. Все остальные сразу становились мертвыми, а Вадим до сих пор...

Затем я вспомнил стол, за которым мы сидели. Он раздвигался во всю столовую, мы играли на нем в пинг-понг, собирались за ним в праздники, справляли окончание университета. Профессор Вадима сидел вместе с Галиной Осиповной, они шептались и посматривали на Вадима. Профессор казался дряхлым. Сейчас он академик и кажется довольно крепким. Вадим был зачислен к нему на кафедру. Можно подумать, что Вадим предчувствовал, так он торопился. Он кончил университет раньше на год. На лето он остался в лаборатории. Последнее время мы редко встречались, он никуда не ходил. Иногда он вызывал Веню помочь справиться с каким-нибудь уравнением. Я обижался, ревновал. Дружба втроем – это всегда сложно.

– Теперь бы он поступил в аспирантуру, – сказала мне Галина Осиповна, когда я зашел после войны.

Я тоже тогда поступал в аспирантуру.

– Язык он сдал бы сразу, – сказала она. – Он обогнал бы вас, он хорошо знал немецкий.

Она высчитывала сроки защиты диссертации. Год за годом она представляла себе его жизнь. Кандидатскую, потом докторскую, рождения его детей, когда они должны были пойти в школу. Она расспрашивала меня про Веню, и про Люду, и про мою дочь, и все высчитывала.

Тринадцать лет... Я и понятия не имел. Выходит, она умерла через несколько лет после того, как я перестал заходить. Не обязательно было связывать эти события. По-видимому, я тогда уверял себя, что жестоко заставлять ее сравнивать, беречь раны. Я ничем не мог помочь ей, – для чего ж было приходить?... Нужно ли навещать жен и матерей наших погибших товарищей – вот вопрос... Всегда чувствуешь себя виноватым. А в чем? Что остался жив? Виноват, что здоров, что смеюсь. Нина Ивановна смотрела на меня, и я почувствовал себя уличенным. Даже сейчас, спустя столько лет, в этом доме все заставляло, чтобы начистоту... Галина Осиповна, конечно, не понимала, почему мальчики не приходят, что же случилось. А случилось то... Впрочем, ничего не случилось, все обстояло весьма благополучно, в том-то и дело...

– Зачем у вас керосиновая лампа? – спросил я.

– Это фрося ничего не позволяет выбросить.

– Фрося? Она жива?

– Да, скоро она придет. Бедная, совсем плоха стала. Так-то физически ничего... – Нина Ивановна заметно расстроилась.

Мы помолчали.

– Можно, Нина Ивановна, посмотреть комнату Вадима? – попросил я.

– Пожалуйста. У меня там беспорядок, вы простите.

Мне хотелось заглянуть туда до прихода фроси. Может быть, я побаивался ее.

Книжных полок там не было. Высокие книжные полки, где стояло Собрание сочинений Джека Лондона в коричневых обложках, приложение к журналу «Всемирный следопыт», комплекты «Мира приключений», которые мы зачитывали и загоняли букинистам. Сохранился лишь его письменный стол. Тут мы готовились к экзаменам. Вернее, Вадим помогал мне готовиться. В школе он мне помогал, и когда я поступал в

Дом на Фонтанке. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru институт – он тоже помогал. С какой легкостью он решал любые мои сложные задачки. Он любил и выискивал головоломность. Он решал их вслух, волнуясь, заикаясь, и все становилось изящно, просто. Дверь на балкон раскрывалась, ветер с набережной выдувал занавеску. «Когда ты научишься логически мыслить?» – горячился Вадим.

На одном из портретов на столе я узнал Илью Ивановича – инженерная фуражка набекрень, полотняный китель, толстые усы; совсем забылось его лицо, а сейчас я вспомнил и то, как он читал и пел нам Фауста, объяснял, что Библия – это не страшно, ее надо читать как хорошую литературу; громадный, размашистый, резко непохожий на тогдашних взрослых. К тому времени редкостью стала фигура крупного инженера старой русской школы. Илья Иванович строил мосты на Волге, Оке... Знаменитые мосты, знаменитые изыскания, экспедиции, кольцо на руке, «прошу покорно», «стало быть, пожаловали»; была в нем независимость, гордость своей интеллигентностью – теперь всего не вспомнить. Нас мало занимали взрослые, мы спохватываемся, когда их уже нет; ах, какие замечательные люди жили, оказывается, рядом, а нам и дела не было...

До сих пор не очень-то объяснишь, чем привлекал нас дом Вадима – интеллигентностью? добротой? еретичностью? Мы росли в коммунальных квартирах, в очередях, среди шума примусов; главным достоинством считалось наше соцпроисхождение, а в те годы для нас слово «интеллигент» звучало укором, примерно так же, как «белоручка», «спец», «мещанин», «бывший», – в общем, нечто подозрительное. И тем не менее нас тянуло в этот дом – весело-безалаберный, благородный, тут мы все были равны и пользовались теми же правами, что и Вадим.

И стояла фотография Вадима: остролицый, остроносый, петушисто-задиристый, в галстучке, уже студент. Узенький галстук, такой, как носят нынче, а пиджак с широкими плечами, обидно старомодный. Внезапно я отчетливо представил эту фотографию напечатанной в журнале рядом со студенческими фотографиями Иоффе, Жолио-Кюри, Курчатова. Погиб великий физик, и никто не знал об этом.

Карточка его имела ценность лишь для Нины Ивановны и для нас двоих. Так же, как его шаткий, исцарапанный стол с мраморной чернильницей. Старые вещи всем посторонним кажутся рухлядью. Это было единственное уцелевшее место, где сохранилась наша юность. В столовой висел большой портрет Галины Осиповны с маленьким Вадимом в коротких штанишках. Типичный маменькин сынок. Мы без жалости дразнили его, пока портрет куда-то не убрали. Мы дразнили его за вежливое обращение со всеми девочками; за то, что он не умел соврать, не желал материться и писать ругательства на стенах. С трудом мы научили его играть в очко на деньги. Но все прощалось ему за храбрость. В той большой драке с соседней школой... их было больше, мы отступили во двор, потом побежали кто куда, один Вадим остался, он не умел убежать. Он дрался в одиночку, пока его не повалили. Это и храбростью именовать нельзя, такой у него был характер. Бедный, заикающийся рыцарь в наилегчайшем весе...

– А вот и Фрося, – сказала Нина Ивановна.

Фрося не удивилась, увидев нас. Улыбнулась, как обычно, когда мы приходили, озабоченно, хмуровато. Конечно, она изменилась – сгорбилась, усохла, только руки остались такими же, и от этого они казались чересчур большими, с цепкими, кривыми пальцами. Мы кинулись к ней. Взгляд ее ничего не выразил.

– Гости у нас, – сказала она.

– Фрося, здравствуйте, Фрося, – громко сказал я.

Глаза ее были мутны, она кивнула мне и стала вынимать из сумки свертки.

– Раз гости, надо чайку поставить.

Мы называли ей свои имена, кричали все громче, – не могла ж она забыть нас. Только что я со страхом представлял, как она скажет: пожаловал наконец, где ж ты был, паршивец этакий, друзья Вадечкины называются, паршивцы вы, – а теперь мне больше всего нужно было, чтобы она узнала нас.

– Фросенька, они с Вадей учились, – на ухо сказала ей Нина Ивановна.

Дом на Фонтанке. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Да, да, стара я стала, – виновато сказала Фрося. – Вот, ватрушку принесла.

Нина Ивановна покраснела, взяла у нее пакет:

– Ватрушка – слабость ее. Если вы не торопитесь, мальчики, попейте чаю, она рада будет.

Она произнесла «мальчики» так же, как всегда говорили в этом доме.

– Там стоял рояль, – тихо сказал мне Веня.

Боря сидел за роялем. Мы чего-то сочиняли и пели. Что мы тогда пели? Нет, это вспомнить невозможно. Двадцать девятого июня. Спустя неделю после начала войны. Мы собрались последний раз. Я уходил в ополчение, Вадим тоже уходил в свою морскую пехоту. Веня ушел позже. То, что этот вечер последний, мы и думать не желали. Будущее было тревожным, но обязательно счастливым, победным, в маршах духовых оркестров, в подвигах, в орденах. Будущего тогда было много, о нем не стоило заботиться. Боря барабанил на рояле фоке, сделанный под Баха, мы пили хванчкару, темную, густую, заедали крабами. В магазинах было полно крабов. «Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы». Мы с Вадимом были в гимнастерках, обмотках и отчаянно гордились. О войне говорили мало, мы не знали, какая она. Ошеломленность и недоумение первых дней миновали. Возникло оскорбленное сознание нашей правоты, – может быть, впервые в короткой нашей жизни у нас было такое ясное, бесспорное чувство правоты. Кто-то читал стихи. Ира заканчивала филфак, и все принялись обсуждать, что такое литературоведение – наука или искусство. Хорошо, уточним, что такое наука?

– «Наука – это то, что можно опровергнуть», – сказал Вадим.

Он умел поворачивать привычное неожиданной стороной. Раз нельзя опровергнуть, следовательно, это уже перестает развиваться, перестает быть наукой.

Посреди нашего спора Галина Осиповна молча вышла. Вадим пошел за ней. И только тут тревожное предчувствие коснулось нас. Наверное, взрослым невыносима была наша беззаботность.

Погасили свет, открыли окно. Вода в фонтанке отражала белое небо, свет без теней, слепые окна Шереметьевского дворца, мы стояли обнявшись, ушастые, стриженные под бокс, чуть хмельные; жаль, что я себя не помню, себя никогда не представляешь, зато я помню пушок на щеках Вадима – он только начал бриться, позднее нас всех. Он вернулся и стал рядом со мной. До чего ж мы ни черта не понимали!.. Но я не испытывал сейчас никакого превосходства перед теми ребятами, перед тем собой. Скорее я завидовал им. То, во что мы верили, было прекрасно, и еще больше то, как мы верили.

– И с чего это вы решили пожаловать? – как можно мягче спросила Нина Ивановна. Она нарезала ватрушку, красиво раскладывала ее на вазочке.

Я молчал.

Фрося наливала чай, большие руки ее тряслись. Веня вздохнул, он привык, что во всех наших историях ему доставалось самое трудное.

– Мы давно собирались... случайно оказались...

Фрося пододвинула нам остатки ватрушки на бумаге.

– Что ты делаешь, фросенька? – сказала Нина Ивановна. – Я ведь уже положила.

Та посмотрела на нее, не понимая. Нина Ивановна взглянула на нас и обняла Фросю, словно защищая.

– Ах, Фрося, фросенька. Бесплезные мы стали. Соседи не дождутся, – она криво усмехнулась. – Уплотнить нас нельзя, сугубо смежные комнаты. Да, так мы о чем?..

– Ничего больше не выяснилось про Вадима? – быстро спросил Веня.

– Откуда ж... Разбомбили их в сентябре под Ораниенбаумом. Никого не осталось,

Дом на Фонтанке. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru только и успел написать два письма. – Она деликатно подождала, но мы не просили показать эти письма. Передо мной сразу возник детский почерк Вадима, я почувствовал сведенные мускулы своего лица, тупое, жесткое выражение, как маска, которую не было сил содрать.

– А как ваши успехи, Веня? – спросила Нина Ивановна. Откуда-то издалека доносился его послушный голос, и я тоже издалека увидел его жизнь.

Конечно, повезло, что он, провоевав всю войну, остался жив, но отсюда, из этой квартиры, судьба его никак не совмещалась с тем голубоглазым мечтательным Веней. Казалось, что останься Вадим жить, все сложилось бы иначе, была б настоящая математика, а не чтение годами того же курса в техникуме. Может, и мне Вадим не позволил бы уйти из аспирантуры, не то что не позволил, а я сам не ушел бы. Во времена Вадима я соглашался, что самое великое событие – это открытие нейтрона. Вади́на физика влекла меня больше, чем мои гидростанции.

Но вся штука в том, что он и не мог уцелеть.

Такие, как он, не годились для отступления. Начало войны, ее первые горькие месяцы, эта бомбежка под Таниной горой, с рассвета нескончаемые заходы самолетов в пустом июльском небе, когда мы, обмирая от потного страха, вжимались в стенки окопов, а потом пошли танки, и мы стреляли и стреляли по ним из винтовок, а танки неудержимо напоздали, справа через фруктовый сад, ломая белые яблони, и слева по зеленому овсу. Не выдержав, мы выскочили из окопов и побежали. Мы бежали от танков, друг от друга, от самих себя. Задыхаясь, я перепрыгивал плетни, канавы, падал и снова бежал, пока не свалился, ломая кусты, в пробитый солнцем ивняк. Пальцы вцепились в землю, она судорожно вздрагивала от бомб, отталкивая, не в силах защитить меня. В этом гибнущем, распадающемся мире память моя ухватилась за Вадима – он не мог, не способен был так бежать, спастись, он остался бы в окопах. Я лежал и плакал от стыда. До самой осени, пока мы отходили, эти минуты возникали передо мной, как заклинания.

Нина Ивановна рассказывала про свой давний спор с каким-то студентом:

– ...тогда он заявил, что если бы Пушкин убил Дантеса, то уже не смог бы быть Пушкиным. Он доказывал, что и сам Пушкин изменился бы, и наше восприятие. Я готова была растерзать его.

В углу стоял старый телефонный аппарат с кнопками. Группа «А» и группа «Б». «Ребята, позвоните мне в комитет комсомола». – «Барышня, барышня, дайте мне Мишу». – «Мишу? Он убит», – сказала барышня, «Как убит, он же только что был здесь, он писал такие стихи!.. Барышня, а где ж тогда Люда, его невеста, черненькая Люда?» – «Она так и не вышла замуж, – вздохнула барышня, – жизнь ее сломалась и погасла». – «Вызовите тогда Борю. Борю Абрамова, композитора, помните, как он сочинял? А Митя Павлов, что с ним случилось? А Толя, почему не отвечает Толя? А Сева Махоткин... кем бы они могли стать?» «Полгода мне не хватило, – сказал мне Вадим, – хотя бы месяца четыре». Он мог не идти, но он поступал по законам своего дома. Он до конца прожил по этим законам. «Барышня, подождите хотя бы четыре месяца и вы увидите...» – «Алло, куда вы пропали?» – сказала барышня...

Куда мы пропали? И где та барышня?

Остались только эти две старухи. Когда они умрут, всю эту мебель, фотографии, портреты, все барахло выкинут, комнаты побелят, оклеят.

Что-то произошло со мной. Прошлое меня влекло больше, чем будущее. В стране будущего мы никого не знали и нас тоже. Здесь же нам, оказывается, рады хотя бы эти две старые женщины. Здесь нас ждали. Прожитые годы были полны загадок, мы жили наспех, не всегда понимая то, что творилось вокруг. Теперь же, когда мы стали кое в чем разбираться, прошлое было недоступно.

Мы смиренно сидели под пытливыми взглядами старух. Секрет нашего появления все еще мучил их. Нина Ивановна начинала рассказывать про себя, про свою последнюю работу переводчицом в КБ, сконфуженно умолкала, чувствуя, что нам это неинтересно, – ей хотелось понять, что нам нужно. Маленькое личико ее наливалось краской, воспоминания набухали в ней, она стеснялась дать им волю. Волнение ее передалось фросе, она все подсовывала нам ватрушку, смотрела то на Нину

Дом на Фонтанке. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Ивановну, то на нас, мутные глаза ее метались, казалось, она вот-вот нас узнает.

– Вадим так и числится без вести пропавшим. – Нина Ивановна раскурила новую папиросу. – Нельзя мне курить, ничего не могу поделывать.

Может быть, она стеснялась расстраивать нас рассказами про Вадима. Слишком хорошо мы знали, что означало «без вести пропавший...».

А вдруг и у меня когда-то были опасения: не попал ли Вадим в плен. Взяли раненым, без сознания, отправили куда-то в лагерь. Были эти подозрения или нет? Разумеется, нет, но я знал, я не раз убеждался, что слишком плохо помнил того себя, послевоенного. Боюсь, что я тоже считал правильным не доверять всем, кто жил в оккупации, и всем, кто был в окружении, всем, кто был в плену. Однажды я спросил себя: а что, если он жив, в плену, – ты рад? И не мог ответить, испугался. Какой же я был... Но ведь это тоже был я. Обходить этот дом – так было удобней. Он слишком много требовал. Он мог уличить, сравнить. Без него было легче.

Мы допили чай, встали. Нина Ивановна растерялась, она не удерживала нас.

– Стекла-то у нас сохранились, – вдруг сказала Фрося. – Заложили окна кирпичом. Амбразура, что ли.

– Это во время блокады. Она сама кирпичом закладывала, – пояснила Нина Ивановна.

Веня ни с того ни с сего заулыбался:

– А что, абажур тот же самый?

Нет, он спутал, висел совсем другой абажур. Тот абажур, желтый с черными фигурками, я подпалил, устроил какие-то опыты и никак не хотел признаваться. Галина Осиповна делала вид, что ничего не произошло, виновата лампочка, слишком большая...

Забытый детский страх вернулся маленьким, нестрашным, – сейчас все выяснится.

Нина Ивановна помедлила, пожала плечами, запрятав смехок. Или мне показалось?

Фрося доедала ватрушку. Мы стояли, не зная, как уйти. Это было труднее, чем прийти сюда. Веня незаметно толкнул меня. Я и сам понимал, что мне надо что-то сказать.

В конце концов, я затащил его сюда. Но я все смотрел на эту комнату и молчал.

– Вы простите, нам пора, – хрипло произнес Веня.

– Ну что вы, мальчики, я была рада. – Нина Ивановна церемонно наклонила голову. – Кто бы мог подумать...

Я смотрел вниз на давно нечищенный, почерневший паркет, словно разыскивая что-то. Рука Нины Ивановны вдруг легла на мою руку, пальцы ее дрожали. Мне захотелось наклониться и поцеловать ей руку, но я не умел, то есть вообще-то я умел, но сейчас я был из того времени, когда никто из нас не умел, не хотел уметь, слишком это было старомодно и смешно – целовать руки.

Она не сказала нам: заходите, приходите еще. Не решилась? Не надеялась? Не захотела?

Она взяла Фросю под руку, и они стояли в большой полутемной передней, обе маленькие, седые, и смотрели, как мы, пяясь и бормоча, уходили, так ничего не объяснив и не обещая.

Невский оглушил шумом воскресного многолюдья. Стучали каблучки, неслись машины, звуки сталкивались, разбегались, тревожные, как будто кого-то догоняли, кого-то искали. Глаза девушек из-под капюшонов быстро обегали нас и устремлялись дальше. Каждая из них напоминала мне Иру, Люду, Катю. И парни с поднятыми воротниками коротких пальто, высокие, нежнокожие, только начинающие бриться. Где-то среди них должен был идти Вадим. Я вдруг подумал – будет ли он теперь сниться, увижу ли я его еще?

Дом на Фонтанке. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Растревожили, разворошили, – сказал Веня. – И им тяжело, и нам. Странно, чего нас потянуло?

– Жалеешь?

– Нет, – сказал он. – Когда-нибудь же мы должны были прийти. В том-то и дело, подумал я, рано или поздно мы должны были вернуться в этот дом. Не ради Вадима, ради себя. Вот опять этот дом на Фонтанке появился в нашей жизни, он уже не тот, мы не те, но все равно... Что-то, значит, оставалось все эти годы, нам-то казалось, что уже ничего нет, мы вроде и не нуждались, какого ж черта!.. Словно кто-то позвал нас, словно те годы – они продолжали существовать. Запах паленого абажура, обмотки, Фауст, книги, дом честных правил...

– А что, если и к нам когда-нибудь пожалуют? – сказал я.

– Кто? – спросил Веня.

Потом он сказал:

– Ко мне? Сомневаюсь. Не тот дом. Ты считаешь, кому-нибудь понадобится?.. – Он покачал головой. – Пожалуйста, пусть приходят. В конце концов, мы честно воевали.

Потом он сказал:

– Надо было спросить Нину Ивановну, чем им помочь. Может, лекарства какие...

– Это верно, – сказал я.

«И кроме того... – подумалось мне, – и кроме того...» – но что кроме того, никак было не вспомнить, никак было не пробиться сквозь ржавчину времени. Веня взглянул на часы, его ждали с обедом. Мы распрощались. Я пошел один. Эти парни и девушки посматривали на меня, наверное, что-то произошло с моим лицом, может быть, я был слишком далеко, но мне было наплевать, мне было сейчас не до них, я думал про Вадима и все не мог понять, приснится ли он мне теперь.
1967

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!